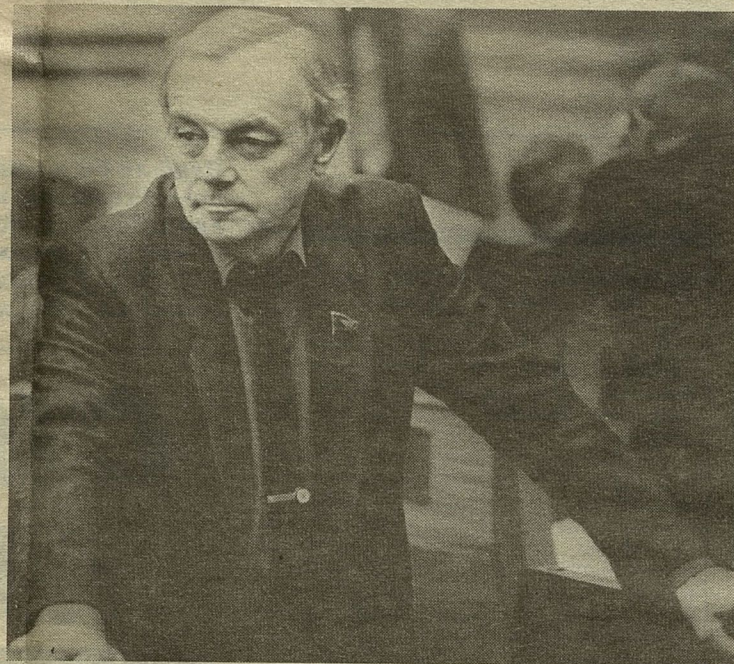

Экран и сцена. — 1991. — 18 апр. / № 16. — С. 11

КАЛЕНДАРЬ

Думая
над ЭТИМ
сегодня22 апреля исполнится
121 год со дня рождения
В. И. Ленина

Корреспондент «ЭС» обратился к Кириллу ЛАВРОВУ и Александру КАЛЯГИНУ — артистам, которым довелось воплощать образ Ленина на сцене. Круг вопросов, адресованных им, был таков: **ХОТЕЛИ БЫ ВЫ СЕЙЧАС СЫГРАТЬ РОЛЬ ЛЕНИНА? КАК ВЫ СЕЙЧАС ОТНОСИТЕСЬ К ТОМУ, ЧТО ИГРАЛИ ЛЕНИНА? БЫЛО ЛИ ЭТО С ВАШЕЙ СТОРОНЫ ДАНЬЮ ВРЕМЕНИ ИЛИ ЖЕ СООТВЕТСТВОВАЛО ИСТИННОМУ УМОНАСТРОЕНИЮ И ЗОВУ ДУШИ?**

КИРИЛЛ ЛАВРОВ

[Спектакль «Перечитывая заново», БДТ им. М. Горького, постановка Г. Товстоногова, 1980].

Да, я играл роль Ленина. И не считая это зазорным. Конечно, нахлынувший на нас поток информации многое изменил в сознании. Но, как бы ни менялось отношение, нельзя не признать Ленина крупным деятелем XX века. Мне было интересно работать даже тогда, когда его облик был односторонне положительным. Но я прежде всего играл человека. Больного, обреченного на уход, на смерть. Кстати, моего героя упрекали в излишней пессимистичности.

Сейчас бы от роли Ленина тоже не отказался. Чем неоднозначнее фигура вождя, чем многограннее и глубже трактуется его образ, тем привлекательнее он для артиста. Тем интереснее его играть.

АЛЕКСАНДР КАЛЯГИН

[Спектакль «Так победим!», МХАТ им. М. Горького, постановка О. Ефремова, 1981—1982].

Я долго отказывался от того, чтобы играть роль Ленина. По разным причинам: творческим, личным, гражданским. Я не коммунист, никогда не был в партии. Заставить меня сыграть такую роль было достаточно трудно, ибо к политике на театре (а роль Ленина безусловно роль политическая) я относился с известной степенью неприязни. Сейчас, по прошествии времени, могу сказать, что ни в коем случае не жалею об исполнении мною этой роли. Более того, очень благодарен людям, увидевшим меня в этой роли и убедившим играть ее — Оле-

гу Ефремову, Михаилу Шатрову, Анатолию Смелянскому. Более того: считаю, что сыграть эту роль мне было просто необходимо — на определенном этапе моей жизненной и творческой биографии, разумеется.

Наш спектакль «Так победим!» был одной из первых попыток создания образа Ленина, вовсе не похожего на тот стереотип «вождя», который был одобрен и узаконен в официальном мире. В результате спектакль пробивался к зрителю с большим трудом. Почти год мы его не играли, нам было запрещено произносить определенные фразы, показывать определенные ситуации. Люди и организации, управляющие искусством — цензура, Институт марксизма-ленинизма, ЦК — все они чувствовали, что в спектакле есть нечто выходящее из общепринятой нормы. И поэтому пытались вымарать, исковеркать, искорректировать спектакль. Вернее, подогнать его под шаблон, под стандарт того святочного образа Ленина, который считался в то время эталонным. Мы же хотели придать этому образу большую объемность, вывести его за тот уровень знания, который был дозволен в то время. Подчеркиваю: именно в то время. В нашем спектакле образ Ленина приобретал трагическое звучание: Ленин на пороге смерти, Ленин уходит из жизни, оставляет завещание идущим рядом с ним и вслед за ним (первоначальное название «Вам завещаю» перед выходом спектакля в свет было заменено на бодрое и радостное «Так победим!»). В то время такая трактовка образа «вождя мирового пролетариата» была в каком-то смысле оппозиционной, ибо был показан Ленин сомневающийся, ошибающийся, мечущийся, ищущий и — трагически одинокий. Иными словами, я играл новое — для того времени — качество этого, без сомнения, выдающегося политического деятеля.

Я играл эту роль в течение восьми лет, и, должен сказать, с чрезвычайным интересом. Публика с годами менялась, менялось и мое исполнение, менялось время, и по-другому звучали прежние слова. То, что мы не играем спектакль

сейчас, — вполне естественно, закономерно. Потому что каждому спектаклю нужно родиться вовремя. Этот спектакль родился вовремя и вовремя умер.

Теперь по поводу сегодняшнего времени. Конечно, сейчас образ Ленина требует переосмысления. Тем более что открывается много фактов, не известных ранее. Хотя многое из того, что открывается сейчас, для меня не было новостью и тогда. Ибо во время работы над ролью я много читал — в том числе и Авторханова, и Солженицына. Сейчас другое время, необходима корректировка как образа самого Ленина, так и его окружения.

Еще раз повторюсь, сказав, что горжусь тем, что участвовал в том спектакле, — я обогатился и как актер, и как гражданин. Но это не значит, что я приемлю все, что у нас есть. Скажу более конкретно: я глубоко ненавижу многое из того, что нам присуще, что вбито в нас ортодоксами коммунистической идеологии. Но я не хочу участвовать в этой модной сейчас кампании забрасывания Ленина камнями. Мне отвратительно это замечательное качество советского человека: с готовностью оплевывать то, чему он поклонялся буквально минуту назад. Или делал вид, что поклонялся. Вдвойне отвратительно, когда это качество демонстрируют люди, относящие себя к интеллигенции. Интеллигенту, как я понимаю, всегда должна быть присуща терпимость — даже по отношению к тому, кто, возможно, такого отношения к себе вовсе не заслуживает.

Хотел ли бы я сыграть Ленина сейчас? Не знаю. Для того, чтобы я захотел сыграть какую-то роль, любую, мне нужно, что называется, «зажечься». То ли режиссер должен увлечь, то ли материал. Хотя, думаю, мне было бы интересно поискать и найти в этом образе что-то другое, еще не открытое. Не в карикатурном, разумеется, плане, а с подходом реалистическим, психологическим. Но для этого, как я уже сказал, нужны материал и режиссер. Пока нет ни того, ни другого.

Фото А. Рубашкина и В. Киселева.